

Глава 14. Кровавая битва

Обе стороны пришли в себя одновременно. Началась битва!

— Убить их!!!

— Отомстим за главу!!!

Последователи Культа Кишок издали душераздирающие вопли и бросились на штурм алтаря. Тех, кого охватывало пламя, падали на землю, своими телами гася огонь и прокладывая путь для товарищей.

А чистильщики на алтаре, обезумев от жажды жизни, отчаянно размахивали оружием, сжигая всё на своём пути пламенем, дарованным солнцем. Шаг вперёд — враг, шаг назад — смерть!

Высокий и крепкий Синь Лэй, вооружённый двумя тесаками, превратился в огненный вихрь. Он рубил и кромсал последователей Культа, а его тело покрывал золотисто-красный свет, подобный доспехам, защищающий от жара и пламени.

Фу Ю, взяв в руки длинный меч, сперва исполнил несколько изящных пируэтов. После долгой и зрелищной демонстрации он с трудом одолел одного врага. За это время А Си уже забила насмерть двух еретиков своей пылающей дубиной.

Те, кто не умел обращаться с оружием, просто схватили топоры и молоты и, пользуясь силой огня, безрассудно рубили и крушили всё вокруг. Все обезумели от крови, их голоса охрипли от крика. Большинство из них никогда не представляли, что будут так отчаянно сражаться, как дикие звери, вгрызаясь во врагов. Это было перерождение. Если они выживут и вернуться в реальный мир, они станут совершенно другими людьми.

Вернувшись из трёх злых миров, человек перестаёт быть человеком. Запах крови и дыма навсегда поселится в их снах. Именно поэтому многие, даже исполнив свои желания, в конце концов возвращаются в игру.

Алтарь превратился в море огня. Великая Шаманка стояла у костра, как королева, наблюдающая за своими бесстрашными воинами.

Сун Цзымин занял возвышенность позади группы и хладнокровно отстреливал врагов, прикрывая товарищей. Се Юньчжу стоял к нему спиной, всё так же вооружённый луком. Пушистик подавал ему стрелы из колчана, а он спокойно натягивал тетиву и стрелял.

Стрелы летели медленнее пуль, но были мощными и точными, находя самых свирепых еретиков и разнося им головы.

До этого момента он ни разу не показывал своего мастерства в стрельбе из лука. Но сейчас он делал это так спокойно и уверенно, словно был надёжным тылом для всех, и никто не знал, где предел его возможностей.

Лишь Пушистик, находившийся ближе всех, чувствовал, что Се Юньчжу устал. Мышцы на его предплечье сводило от переутомления, и несколько раз он не смог натянуть тетиву до конца. Подобранные на поле боя стрелы были в основном старыми и повреждёнными, и вскоре его ладонь была изранена оторвавшимся оперением.

Но его взгляд оставался сосредоточенным, он неотрывно следил за целью, а в синих глазах застыла ледяная ярость. Если бы он не вытер кровь об одежду, потому что рука стала скользкой, Пушистик подумал бы, что он даже не заметил раны.

Почему-то, хотя у него не было сердца, в тот момент Пушистик почувствовал, что оно вот-вот разорвётся от боли. Он в панике не знал, что делать, и, вскарабкавшись на плечо Се Юньчжу, вытянул свои щупальца и обхватил его окровавленную руку.

— Отпусти, — тихо приказал Се Юньчжу.

Пушистик не отпустил, а наоборот, полностью обвил его пальцы.

— Я буду держать, а ты целься.

Се Юньчжу замер. Щупальца Пушистика были прохладными и мягкими, как вода, но их хватка была реальной. Он держал тетиву так крепко, даже крепче, чем его собственная рука.

Он расслабил онемевшую от боли ладонь, и Пушистик тут же натянул тетиву. Се Юньчжу, направляя его, слегка скорректировал прицел.

«Сейчас!» — едва эта мысль промелькнула в его голове, как Пушистик, словно прочитав его мысли, разжал щупальца!

ДЗЫНЬ!

Тетива задрожала. Их первый совместный выстрел был идеален — стрела вонзилась точно в лоб еретика.

— Ух ты! — восторженно закричал Пушистик. — А Чжу, ты такой крутой!

— Ещё, — Се Юньчжу вытащил другую стрелу, и они продолжили действовать сообща. С каждым выстрелом их взаимопонимание росло, и в конце концов ему стало казаться, что он стреляет своей собственной рукой.

Три года он в одиночку противостоял всем опасностям. Он даже не подозревал, что может так слаженно работать с кем-то, словно... словно у него когда-то был такой товарищ, которому можно было доверить спину, который понимал его без слов.

Вместе они выпустили все стрелы. Гора трупов еретиков, павших от их рук, росла.

Мясорубка продолжалась почти двадцать минут. Последователи Культа Кишок, не зная страха и усталости, сражались до последнего. Лишь когда пал последний из них, кровавая битва подошла к концу.

В воздухе, пропитанном запахом гари и гнили, раздавались прерывистые вздохи. И среди них слышался дрожащий голос:

— Мы... мы победили?!

— Всех убили, чёрт возьми! Этот огонь — вещь! Всех, мать их, убили!

— Боже, мы действительно победили... — но тот, кто кричал о победе, плакал. Это не были слёзы радости, а просто истерика. Когда боевой пыл остыл, его начало трясти, и он принялся плевать.

Остальные выжившие чистильщики были не в лучшем состоянии. Обессиленные, они сидели на земле, покрытые потом и слизью, и хватали ртом воздух, как умирающие рыбы.

Се Юньчжу был одним из двух, кто не участвовал в ближнем бою. Поэтому, кроме раны на руке и мышечной усталости, он был в порядке. Такие кровавые сцены не стоили того, чтобы являться ему в кошмарах. Он стоял на возвышении, как ворон, кружащий над полем боя, и его настороженный взгляд продолжал следить за обстановкой.

А вот Пушистик, похоже, был на исходе сил. Он сдулся, как проколотый мяч. Раньше он плотно сидел у него за воротником, а теперь соскользнул на грудь и, в последний момент, уцепился за пояс брюк.

Се Юньчжу поднял его, собираясь отчитать, но увидел, что Пушистик совсем ослаб. Его глаза, которые он едва мог открыть, потускнели и вот-вот должны были погаснуть.

«И правда, такая кроха, а сделал так много. Наверняка выложился на полную». Се Юньчжу почувствовал необъяснимую жалость. Он сжал его в ладонях, придав овальную форму.

— Зачем так стараться?

Веки Пушистика едва поднимались.

— Потому что... вздох... ты мой... возлюбленный...

— Кому бы ты ни достался, было бы то же самое. Если бы тебя нашёл кто-то другой, ты бы так же глупо в него влюбился.

— Нет... не другой, а ты меня нашёл... У меня есть только ты... — прошептал Пушистик.

— Тогда тебе крупно не повезло, — Се Юньчжу продолжал мять его. — Отдашь другому крупицу — получишь крупицу в ответ. Отдашь мне всё — я не дам тебе ничего.

Пушистик не ответил. Он уснул от усталости, лишь его щупальца крепко цеплялись за него, словно за бесценное сокровище.

— Глупый Пушистик, — Се Юньчжу помял его сдувшийся живот, бросил обратно в сумку и достал аптечку, чтобы перевязать руку. Рана должна была разойтись от постоянного напряжения, но благодаря Пушистику этого не случилось. Это странное чувство, что о нём кто-то позаботился, было для Се Юньчжу непривычным.

Все были ранены, кто-то легко, кто-то тяжело. Немного придя в себя, они начали помогать друг другу осматривать раны. Вдруг раздался отчаянный крик Хэй Бэя:

— Скорее сюда, у Хуан Ботао живот вспорот!

Новичок Хуан Ботао был молчаливым, добродушным парнем. Он говорил, что пришёл в игру, чтобы расплатиться с долгами семьи. В бою он бесстрашно сражался в первых рядах, и в итоге ему вспороли живот.

Хэй Бэй в отчаянии зажимал его рану, но она была слишком большой, и внутренности вываливались сквозь его пальцы. Хуан Ботао выглядел растерянным и бормотал:

— Холодно... мне холодно...

Он приподнял голову и спросил, словно в бреду:

— Уже стемнело?

— Нет! Открой глаза, солнце ещё на небе! Держись, не закрывай глаза, прошу тебя...

Се Юньчжу подошёл, оценил его состояние и покачал головой, глядя на Хэй Бэя.

Лицо Хуан Ботао быстро побледнело. Окружённый беспомощными товарищами, он перестал

дышать. Эмоциональный Хэй Бэй зарыдал в голос, остальные тоже молча утирали слёзы.

Они плакали по этому несчастному товарищу, по этому безнадёжному подземелью, по себе — ничтожным муравьям, отчаянно цепляющимся за жизнь.

Внезапно на них упала огромная тень. Это была Великая Шаманка.

Хэй Бэй схватил её за подол и закричал:

— Вы же Великая Шаманка, вы можете его спасти, правда? Спасите нас! Вы такая сильная, такая могущественная... Почему вы не вмешались?! Мы для вас просто расходный материал?! Мм-м-м...

Сяо Ту зажала рот своему парню и оттащила его назад.

Великая Шаманка действительно не вмешалась. Но она выглядела уставшей и измождённой, и даже костёр на алтаре стал меньше.

Её действия были странными. Сначала она наклонилась и медленно подняла тело Хуан Ботао. Затем из её рта вырвался резкий звук, словно она выплюнула лезвие, спрятанное под языком. На глазах у всех шея Хуан Ботао была перерезана, и хлынула кровь.

Великая Шаманка отбросила его тело, взяв только голову. Она подошла к семи копьям, торчащим из земли, как клыки, и насадила голову Хуан Ботао на первое из них.

Затем она подняла свои широкие чёрные рукава и начала произносить древние, непонятные слова. Гора трупов последователей Культа зашевелилась, словно что-то пробивалось наружу.

Вскоре две головы, как грибы после дождя, вырвались из-под трупов, взлетели в воздух и опустились в её поднятые руки. Великая Шаманка проделала то же самое, насадив их на следующие два копья.

Одна голова, расплющенная, принадлежала Сюй Нинно. Другая, разнесённая в клочья стрелой, — Лян Юэ.

Как в древности после взятия города, Великая Шаманка выставила головы трёх чистильщиков на копьях, словно трофеи или жертвоприношение.

Взгляды всех молча обратились к оставшимся четырём пустым копьям. Неопикуемый ужас поднялся от пяток и ледяной дрожью пробежал по спине. В головах у всех проносились тысячи мыслей, но ни один, ни ветеран, ни новичок, не произнёс ни слова.

В мёртвой тишине раздался бесстрастный голос Се Юньчжу:

— Не забывайте о сегодняшнем задании. Сначала соберите кровь Хуан Ботао.

<http://bllate.org/book/15884/1583371>